

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЯ

ТАЙНЫ ВЛАСТИ ВАСИЛЕВСА • СЕКРЕТЫ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИИ • ИМПЕРИЯ НА ПУТИ АРАБСКИХ
ЗАВОЕВАНИЙ • ЗАГАДКА IV КРЕСТОВОГО ПОХОДА
• ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Загадки истории (Фолио)

Андрей Домановский

Загадки истории. Византия

«ОМІКО»

2018

УДК 94(4)

Домановский А. Н.

Загадки истории. Византия / А. Н. Домановский — «ОМКО», 2018 — (Загадки истории (Фолио))

Что знает наш современник о Византии? Почему само понятие «византийский» имеет во многих европейских языках отрицательную коннотацию и справедливо ли это? Наше издание рассказывает о загадочной Византийской, а вернее – Ромейской империи (ромеями себя называли жители этой страны): о «багрянородных» императорах и узурпаторах трона; о дворцовых переворотах и превратностях «любви народа»; о невероятных тайнах византийской дипломатии и умении заключать союзы; о борьбе Византии с арабскими завоевателями и о падении блистательного Константинополя, а также о том, какую роль в этом сыграли европейцы.

УДК 94(4)

© Домановский А. Н., 2018

© ОМКО, 2018

Содержание

Плавание в византийскую мозаику (вместо предисловия)	7
Мрачный цвет пурпура: загадка безвластия всевластного правителя	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Домановский

Загадки истории. Византия

ТАЙНЫ ВЛАСТИ ВАСИЛЕВСА
СЕКРЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИИ
ИМПЕРИЯ НА ПУТИ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ
ЗАГАДКА IV КРЕСТОВОГО ПОХОДА
ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Сегодня, когда некоторые христианские православные нации вошли или собираются войти в Европейский союз, когда Россия производит сильное впечатление, несмотря даже на свои опасные ссоры с Украиной, нас все больше начинает интересовать цивилизация, из которой вышли эти народы. Ведь именно византийские миссионеры обратили русских в свою веру, когда главным городом русских людей был Киев. Таким образом, современные православные цивилизации основаны на традициях, пришедших из Константинополя, в той же степени, в которой западные цивилизации базируются на римской культуре.

Мишель Каплан. Византия

Если киевлянин и сегодня летит «в Афины» вместо «в Алены»... (так употребляли это слово в Киево-Могилянской коллегии, наследуя западным образцам), то делает это потому, что его предки подверглись контрнаступлению российского, с византийским уклоном, «Востока». ... Вторая волна византийского влияния пришла с севера: поначалу не слишком сильная – из Московского царства, затем более сильная – оттуда же, из Российской империи. ... Север, еще до того, как начать контрнаступление, должен был защитить собственные византийские ценности, которые считал коренными и оригинальными. Эта защита осуществлялась вместе с умелым использованием как достижений, так и человеческих ресурсов Украины.

Игорь Шевченко. Украина между Востоком и Западом

Европа не только продолжается на Востоке, уходящем в бесконечную даль. У нее есть и своя «восточная история»: историю Византии можно назвать исторической памятью восточноевропейцев...

Византия, располагавшаяся в равной степени в Европе и в Азии, блистательно игнорировала фатальную разницу между двумя континентами, создав на этой основе уникальную политическую систему и культуру. Ее столица, выросшая на «правильной» стороне Босфора, была одновременно «Новым Римом» и «Новым Иерусалимом». Именно здесь велась тончайшая игра на взаимодополнительности Востока и Запада, Европы и Азии. «Экуменизм» Византийской империи вытекал не из претензий на мировое господство, но из желания размышлять о мире в его всеохватной целостности. Короче говоря, Византия была носительницей идеи, о которой в наши дни не мешало бы помнить: невозможно представить себе будущее Европы, отрывая ее от Востока.

...

Осознание этого могло бы уберечь Европу от главной опасности: стать просто Западом.

Жильбер Дагрон. Размышления византиниста о Востоке Европы

Плавание в византийскую мозаику (вместо предисловия)

I

Страна та не для старца. Юность, младость
В сплетенье рук и птицы средь листвы —
Те гаснут поколенья, – в песнях радость
Лососей нереста, макрели кутерьмы,
Всё лето рыба, мясо, птица восхваляют
То, что зачато, рождено и умирает.
Кто музой чувств охвачен, пренебрег
Шедеврами, что создал интеллект.

II

Старик – во прахе жалкая лишь тень,
На тростнике отрепье одеянья,
Пока душа во вретис лоскуте
Не воспевает себя в рукоплесканьях
Не школе пенья, но стремлению познания
Величия своих могучих стен.
И потому я переплыл моря мирские
Во град святой священной Византии.

III

О мудрецы, в святом стоящие огне,
Как на золотой мозаике стеной,
Сойдите из огня, как вихрь, ко мне, —
Творцами песни станьте над душой.
Исхитите сердце прочь; больно желаньем
И в смертной твари тлен обличено
Оно тоскует тягой к проницанью
В искусно созданное вечности панно.

*Уильям Батлер Йейтс. Плавание в Византию
(перевод А. Н. Домановского)*

Представленный в вынесенном в эпиграф фрагменте знаменитой поэмы ирландского англоязычного поэта нобелевского лауреата Уильяма Батлера Йейтса образ Византии как

неувядающей прекрасной мифической страны, не предназначенной «for old men», является одним из важнейших символов европейской культуры. Он настолько же приближен к реальности, насколько и оторван от нее. Поэт создал один из византийских образов, великое множество которых мы встречаем в современном мире. Предоставить возможность прикоснуться к ним и является целью этой книги.

Попытаемся же, оттолкнувшись жестким пружинящим веслом воображения от берега реальности, отправиться в плавание «во град святой священной Византии», чтобы увидеть ее величественные манящие образы. Все тот же У. Б. Йейтс в своем другом, несколько менее известном сочинении – мистическом трактате «Видение» – писал, что если бы ему «подарили месяц в античности и позволили выбрать, где и когда именно его провести», то он «провел бы его в Византии, незадолго до того, как Юстиниан откроет Св. Софию и закроет Академию Платона. Полагаю, – продолжает поэт, – я мог бы найти в какой-то крохотной винной лавке философски настроенного мозаичника, который мог бы ответить на все мои вопросы, поскольку сверхъестественное ему ближе более, чем даже Плотину».

Конечно же представить в одной небольшой книге все многообразие и многогранность византийской цивилизации невозможно, и поэтому нам придется ограничиться лишь отдельными фрагментами мозаики ее истории. Таким образом, мы отправимся в плавание даже не в собственно Византию, а в византийскую мозаику, состоящую из отдельных панно – сюжетов. Впрочем, как в мельчайшей капле воды можно увидеть океан, так и сквозь схожий с неограниченным драгоценным камнем кусочек смальты можно обозреть всю цивилизацию величественной Византии.

Попытаемся же проникнуть в искусно созданное панно византийской вечности. И если лучшим поэтическим выражением этой мозаики являются уже приведенные слова Йейтса, то лучшим прозаическим воплощением – фэнтезийная диалогия Гая Гэвриела Кея «Плавание в Сараний» и «Повелитель императоров», не случайно объединенная под общим названием «Сарантийская мозаика». Главным героем этих произведений выступает творец-мозаичник, стремящийся воссоздать в своих красочных произведениях сотворенный Богом мир. Попытаемся же и мы увидеть в своем воображении предстающую на страницах книги великую Византию, и, предоставив в начале этого краткого предисловия слово Поэту, дадим в конце возможность сказать Прозаику:

«...его образ Джада над этим Городом, на его леса и поля (зеленые, как весна, в одном месте, красно-золотисто-коричневые, как осень, в другом), на его «зубира» на краю темного леса, на его моря и плывущие корабли, на его людей... его летящих и плывущих, бегущих и наблюдающих зверей и на то место (еще не сделанное), где закат на западе над развалинами Родиаса должен был стать запретным факелом падающего Геладикоса. Это была его жизнь, все жизни под властью бога в этом мире, столько, сколько он мог передать, сам будучи смертным, связанный своими ограничениями.

...застыл, повиснув на лестнице на некотором расстоянии от земли, и долго смотрел на свою работу. Он чувствовал себя застывшим в ином смысле, в том мгновении, которое трудно определить. У него возникло ощущение, что как только он спустится с этой лестницы, окончательно закончится его труд, закончится навсегда. Ему казалось, что он висит в безвременье, пока этого не произошло, а потом его труд и его достижения перейдут в прошлое или в будущее, но никогда уже не будут настоящим.

Его душа была полна до краев. Он думал о мозаичниках прошлых столетий... здесь, в Варене, в Сарантии, в Родиасе, или далеко на юге, за морем, в городах на побережье за Кандарией, или на востоке, в древней Тракезии, или в Саврадии (о святых людях с их дарами, которые сотворили Джада в тамошней церкви, чьи имена затеряны в молчании)... обо всех неизвестных мастерах, ушедших, окутанных саваном исчезнувшего времени, мертвых.

Их творения (то, что уцелело) стали славой земли Господа, даром его света, а творцы превратились в неясные тени.

Он посмотрел на то место внизу панно, где только что выложил смальту, еще не присохшую на место, и увидел двойную букву... – свои инициалы, как и на медальоне, изображенном на его фигуре на панно. Думая о них, обо всех, ушедших, или живущих, или о тех, кто придет, он подписал свою работу на стене»¹.

¹ Кей Г. Г. Повелитель императоров / пер. Г. Г. Кей; Н. Х. Ибрагимова. – М., 2004.

Мрачный цвет пурпура: загадка безвластия всевластного правителя

*А на троне базилевс ромэев
Пресиятельнейший и пресвятейший
В пурпурной виссоновой хламиде,
В белом саккосе златоклавом,
В золотой чеканной диадиме,
В измарагдах и адамантах,
Неусыпно печется о державе.*

*...
Вкруг него сидят каллиграфы,
Записывают каждое слово,
И слово становится законом,
И когда его объявляют
Владычествующему синклиту,
Никто прекословить не дерзает...*

**Георгий Шенгели. Повар базилевса
(Византийская повесть)**

Мрачен цвет пурпура, и государь должен быть сдержанным в благополучии, не терять разума в счастье, не предаваться гордости из-за злосчастливого царского одеяния: ведь императорский скипетр говорит не о праве на полную свободу действий, а о праве жить в блестящем рабстве.

Феофилакт Симокатта. История

Иногда полушутя, полусерьезно специалисты по истории Византийской империи – византилисты – говорят, что в мировой истории было лишь два государства, даты рождения и смерти которых точно известны. Это конечно же сама Византия и Советский Союз. Естественно, и по отношению к средневековой империи, и по отношению к СССР такое утверждение является предельным огрублением, ведь как их рождение не было одномоментным, так и постепенный упадок, агония и в итоге гибель, растянулись на годы, а в случае с Византийской империей – на десятилетия и даже столетия. Впрочем, и в том, в другом случае существуют важные реальные даты, являющиеся крайними точками отведенного историей отрезка времени существования обеих держав, причем определиться с моментом смерти проще, чем с моментом рождения.

Что касается Византии, то датой окончания существования государства справедливо считается падение ее столицы Константинополя под кривым полумесяцем турецкого ятагана 29 мая 1453 г. С определением же времени рождения византийского государства дело обстоит сложнее, поскольку дат, в той или иной степени подходящих для начала отсчета истории Византии, несколько и каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. Сложность обстоит прежде всего в том, что Византийская империя не столько являлась непосредственным продолжением империи Римской, сколько и была собственно Римской империей, отнюдь не погибшей в раннее средневековье, но продолжившей свое существование вплоть до 1453 г. Жители империи не заметили конца одного государства и начала другого хотя бы потому, что никакой временной лакуны, разрыва связи времен между ними не было. Падение Рима в 476 г., излюбленная точка отсчета западноевропейского средневековья, мало коснулась римского государства в его восточной части, где колесо жизни государственного организма давно уже враща-

лось вокруг другой столичной ступицы – Константинополя, который современники называли Новым, или Вторым Римом. Подданные империи продолжали осознавать и называть себя римлянами (на греческий манер ромеями), а свое государство – Римской (по-гречески Ромейской) империей.

И все же можно назвать ряд дат, символически отделяющих Ромейскую империю средневековья от Римской империи античности, которым придавали важное значение и сами византийцы. Прежде всего это даты, связанные с основанием новой имперской столицы Константинополя на месте античного городка Византий, расположенного на западном берегу пролива Босфор. Закладка нового императорского города состоялась 8 ноября 324 г., а его торжественное официальное открытие – 11 мая 330 г. Если руководствоваться этой датой, а другой считать 29 января 1453 г., то выходит, что Византийская империя родилась и умерла вместе со своей столицей.

Не менее часто датой рождения Византии называют 395 г., когда, после смерти последнего правителя единой Римской империи Феодосия I Великого (379–395 гг.), государство было разделено между его сыновьями на западную и восточную половины. Во главе Западной Римской империи встал император Гонорий (395–423 гг.), Восточную (Византию) возглавил Аркадий (395–408 гг.). Иногда эпохой начала собственно Византии называют также время правления отдельных незаурядных императоров – Анастасия I Дикора (491–518 гг.), Юстиниана I Великого (527–565 гг.), Фоки (602–610 гг.) или Ираклия I (610–641 гг.). А когда речь идет не столько о византийском государстве, сколько о византийской цивилизации, то и вовсе обозначают ее начало VII в., когда империя потеряла свои восточные и северные владения вследствие арабских завоеваний и славянской колонизации.

За выбором любой из приведенных или ряда опущенных дат стоит своя логика, однако очевидно одно – Византийская империя непосредственно выросла из Римской, постепенно трансформируясь и приобретая все более своеобразные черты. Вопрос о том, когда именно их количество и качество достигло некоего уровня, позволяющего заявлять о переходе от античности к средневековью, остается спорным и ответ на него зависит от того, что именно будет выбрано в качестве главных критериев, свидетельствующих о свершившемся необратимом изменении. В любом случае основание нового императорского города, долженствующего стать резиденцией правителя и со временем постепенно превратившегося в полноценную столицу государства, вполне может считаться приемлемой точкой отсчета в истории византийского государства. День рождения Константинополя – 11 мая 330 г. – является, таким образом, днем рождения Византии, а последующие важные даты, свидетельствующие о становлении самобытного государства, – вехами взросления ребенка, все больше отрывающегося от материнского тела и приобретающего обособленность, самостоятельность и самобытность.

Принять именно эту, наиболее раннюю дату (тем более имеются все основания, что сами византийцы относили непосредственное начало своей государственности ко времени правления Константина I Великого (306–337 гг.), сочетавшего режим самодержавной монархии римского домината с христианской доктриной, а церковь – с государством. Епископ Евсевий Кесарийский, биограф Константина Великого, писал: «Все части Римской империи соединились в одно, все народы Востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единовластием, как бы единой главой, и всё начало жить под владычеством монархии... Все и всюду прославляли победителя и соглашались признавать Богом только Того, Кто доставил ему спасение. А славный во всяком роде благочестия василевс-победитель (ибо за победы, дарованные ему над всеми врагами и противниками, такое получил он собственное титулование) принял Восток и, как было в древности, соединил в себе власть над всей Римской империей. Первый проповедав всем монархию Бога, он и сам царствовал над римлянами и держал в узде все живое...»

Именно к сфере императорского правления и, в целом, государственного устройства относится еще одна особенность Византии, позволяющая сравнивать ее с Советским Союзом и, возможно, рядом других государств XX в. Имеется в виду якобы тоталитарный характер византийского государства, который многим советским интеллигентам, в особенности историкам, напоминал советский тоталитаризм сталинского образца, или же существенно более мягкий, «вегетарианский» авторитаризм (если угодно, тоталитаризм-лайт) брежневской эпохи. Выдающийся византинист второй половины XX в., начинавший свою научную карьеру в СССР, а закончивший, после эмиграции, в США, Александр Каждан вспоминал в автобиографическом очерке «Трудный путь в Византию»: «...в глухие сталинские времена, когда я преподавал в Тульском педагогическом институте, мой друг, которому я излагал свои взгляды на византийскую централизованную экономику, воскликнул: “Да ведь это же все, как у нас!” Он не был историком, и ему можно простить поспешное заключение. Много позднее, когда хрущевская оттепель приоткрыла щель к свободомыслию и судьба перенесла меня в Москву, моя начальница настаивала на том, чтобы я выбросил из своей книжки характеристику императора Юстиниана I, данную ему современником, писателем Прокопием Кесарийским, ибо, говорила она, всем ясно, что я пишу не об Юстиниане, а о Сталине. Прокопий, разумеется, писал не о Сталине, но, как подданный тоталитарной империи, он пользовался известным стереотипом деспотического государя, который – в известных пределах – мог быть приложим к любому деспоту».

Восприятие Византии как некоего прообраза сталинского тоталитарного государства заставило в свое время отказаться от поприща византиниста известного специалиста по истории западноевропейского средневековья Арона Гуревича, поскольку, как он вспоминает в своей автобиографической «Истории историка», «начал все более отчетливо ощущать нарастающую неприязнь к предмету моих штудий. Византийские порядки слишком напоминали мне советскую сталинскую действительность». Для Александра Каждана же, наоборот, именно этот аспект византийской цивилизации был наиболее важным и привлекательным: «Византия оставила нам уникальный опыт европейского тоталитаризма. Для меня Византия не столько колыбель Православия или хранительница сокровищ античной Эллады, сколько тысячелетняя лаборатория тоталитарного опыта, без осмысления которого мы, видимо, не в состоянии представить себе наше собственное место в историческом процессе». Как отмечал еще один известный отечественный историк Византии Сергей Иванов, возможно, советские византинисты «были единственной категорией населения, которая в этих условиях получала некоторые интеллектуальные преимущества: ведь они жили в обществе, отдаленно напоминавшем объект их научных изысканий».

Идея сравнения общественного и государственного устройства Византии и СССР непостижимым образом овладевала умами советских государственных деятелей самого высокого уровня и поколения спустя. Американский византинист украинского происхождения Игорь Шевченко во вступлении к своей статье «Существовал ли тоталитаризм в Византии?» описывает интересный эпизод, случившийся дней за десять до августовского путча ГКЧП 1991 г. В это время в Москве проходил очередной международный конгресс по византистике, и группу историков Византии пригласили в Кремль на встречу с вице-президентом СССР Геннадием Янаевым. Два момента врезались в память византиниста: заверения будущего путчиста в преданности президенту Михаилу Горбачеву и заданный Г. Янаевым вопрос о том, существовал ли в Византии тоталитаризм. И. Шевченко ответил в том духе, что, подобно многим централизованным государствам с единой господствующей идеологией, по самой своей природе инфицированным бациллой желания установления всеобщего контроля надо всеми сторонами жизни общества, Византия тяготела к тоталитаризму, но, учитывая то, что была страной эпохи средневековья, попросту не обладала соответствующими сугубо техническими возможностями для того, чтобы реализовать свое стремление в полной мере.

Предложенный ответ был, по словам И. Шевченко, первым, что пришло ему в голову в деликатных обстоятельствах высокого приема, однако, проверив его обоснованность в специальном исследовании, византинист пришел в итоге к выводу, что он был не так уж далек от истины. Однако можно ли утверждать, что лишь несовершенство технологического развития периода средних веков препятствовало становлению в Византии тоталитарного государства? Тяготело ли Ромейское государство к тоталитаризму? Имел ли император Византии безграничную власть над своими подданными, полнота которой не достигала всеохватывающего уровня в реальности лишь вследствие технической несовершенности эпохи? Словосочетание «ограниченное всевластие» может показаться нам оксюмороном, чем-то наподобие выражения «всемогущий бессильный», однако не будем спешить с выводами относительно Византии. Дело в том, что реальные права императора и возможности их реализации по отношению к подданным и государству были существенно если не ограничены, то скорректированы и упорядочены.

Несомненно, Византийская империя была централизованной монархией, во главе которой стоял император (по-гречески его называли василевсом). Он был самодержцем (по-гречески автократом) и считался центральной фигурой государства, его символом и одновременно олицетворением. Нередко императора называли также кесарем или августом, а еще деспотом – полновластным правителем, господином и владыкой. Пожалуй, каждый из византийских василевсов с легкостью мог бы приписать себе знаменитую фразу эталонного французского короля эпохи европейского абсолютизма Людовика XIV: «Государство – это я!» Не зря правителя именовали иногда «одушевленным законом».

Император был суверенен в своих решениях и один представлял всю полноту власти, а монархия понималась как его справедливое и законное правление. В этом видели залог целостности и единства общества и государства. Современники активно придерживались хорошо осознаваемой доктрины: один Бог – один василевс – единая Вселенская Римская империя. В речи к императору Константину Великому по случаю тридцатилетия его царствования Евсевий Памфил писал: «Закон царского права – именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходит всех форм правления, многоначалие же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то один Бог (не два, не три, не более, ибо многобожие есть безбожие), один Царь, одно Его слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним». Разделение власти воспринималось как ее дробление и ослабление, порождавшее к тому же противоречия и, в итоге, противостояния и конфликты, разрушавшие государство, а потому считалось явлением сугубо негативным. Венценосная дама XI в., ромейская принцесса Анна Комнина, отмечала: «Где многовластие – там и неразбериха».

Император был верховным чиновником государства, облеченным высшей законодательной, исполнительной и судебной властью, выступал главой правительства и единственным законодателем, верховным судьей и главнокомандующим армией. При этом считалось, что он получает власть от Бога и занимает на земле положение, следующее непосредственно за Богом. Византийцы утверждали, что василевс «...ниже только Бога и следует сейчас же за Богом». Агапит, священнослужитель VI в., писал: «Государь по существу своего тела равен каждому человеку, но властью, с достоинством его соединенною, подобен всех начальнику Богу. Ибо он не имеет никого выше себя на земле». Наставляя правителя, он советует: «Будучи в высочайшем достоинстве, о император, выше всех почитай возведшего тебя в сие достоинство Бога: ибо Он, наподобие своего небесного царства, вручил тебе скипетр земного владения...»

Если Господь был Пантократором (по-гречески Вседержителем), властителем всего существующего во Вселенной, то василевс – космократором, то есть правителем всего земного мира, могущим и долженствующим устанавливать и поддерживать на земле соответству-

ющий Божественному замыслу совершенный гармоничный миропорядок – так называемый таксис. Наглядно это проявлялось во время некоторых церемоний в храме Св. Софии, когда лишь император имел право находиться под куполом, располагаясь непосредственно под изображением Христа Вседержителя в центре купола. Так для присутствующих просто и понятно удостоверяться вертикальная связь по оси между Пантократором Господом и космократором василевсом.

Подобным образом визуализация идеи божественного происхождения императорской власти происходила и в тронном зале Большого императорского дворца Триконхе, служившем местом торжественных приемов и придворных церемоний. Построенный при василевсе Феофиле (829–842 гг.), он получил свое название по трем нишам-конхам в его восточной части. На своде центральной тронной конхи над тронном василевса располагалась мозаичная икона Иисуса Христа. Когда входившие через три двери (две боковые были бронзовыми, а центральная – серебряной) поднимали очи на самодержца, он предстал им сидящим под ликом Господа, создавая мощное визуальное подтверждение связи власти царя земного – императора и Царя Небесного – Бога. Власть василевса, как наместника Христа на земле, получала тем самым своеобразное овеществленное выражение.

Ту же функцию выполняли многочисленные изображения, на которых Иисус Христос или какой-либо святой от имени Бога возлагали на голову императора венец или благословляли его жестом на царство. Господь на них прямо показан главным источником, из которого проистекала императорская власть. Например, выдающимся произведением искусства является хранящаяся ныне в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве пластинка слоновой кости с изображением благословения на царство Христом императора Константина VII Багрянородного (944–959 гг.), выполненная резчиком в середине X в. по случаю возвращения этого императора к реальной власти. Каждый жест и поза этого изображения глубоко символичны: стоящий на возвышении под триумфальной аркой или церковным куполом Иисус Христос венчает на царство склонившего перед ним голову василевса в богатом царском церемониальном одеянии.

Византийский император в прямом смысле этого слова был наместником Бога на земле, его местоблюстителем, действовавшим от лица Господа. В сложнейшем византийском чиновничьем аппарате IX – X вв. числился специальный чиновник, должность которого обозначалась на греческом языке «ек просопу» – действующий «от лица» какого-либо иного чиновника или самого императора, исполняющий обязанности – местоблюститель. Пожалуй, именно таким местоблюстителем можно назвать и василевса, правящего земным миром «от лица» самого Христа, замещающая его место на троне. На земле он представлял Господа и был потому всевластен. Исаак III Ангел (1195–1203 гг.) даже пил на пирах из церковных сосудов, заявляя: «На земле нет никакого различия между Богом и царем. Царям все позволено».

Вот как описывал Никита Хониат, византийский историк конца XII–XIII вв., это недостойное, по его мнению, поведение василевса: «Царь даже имел дерзость – чтобы не сказать более – обращать священные сосуды в обыкновенное употребление и, отнимая их у Божиих храмов, пользоваться ими за собственным столом. Он употреблял также вместо кубков для питья чашеобразные изделия из чистого золота и драгоценных камней, висевшие над царскими гробницами, как благоговейное приношение почивших Богу, – обращал в рукомытники. <...> Когда же кто-нибудь решался напомнить, что такие поступки не приличны ему – Боголюбезному самодержцу, наследовавшему от предков славу благочестия, – что это просто святотатство, то он сильно и горячо вооружался против таких замечаний...»

Однако даже критика конкретного императора никоим образом не ставила под сомнение божественное происхождение самой императорской власти. Обращаясь к своему сыну Роману в предисловии к трактату «Об управлении империей» василевс Константин VII Багрянородный (945–959 гг.) писал: «И Вседержитель укроет тебя своим щитом, и вразумит тебя твой

Создатель. Он направит стопы твои и утвердит тебя на пьедестале неколебимом. Престол твой, как солнце, – перед Ним, и очи Его будут взирать на тебя, ни одна из тягот не коснется тебя, поскольку Он избрал тебя, и исторг из утробы матери, и даровал тебе царство свое как лучшему из всех, и поставил тебя, словно убежище на горе, словно статую золотую на высоте, вознес, словно город на горе, чтобы несли тебе дань иноплеменники и поклонялись тебе населяющие землю. Но Ты, о Господи, Боже мой, коего царство вечно и несокрушимо, да пребудешь указующим путь рожденному мною благодаря Тебе, и да будет блистательство лика Твоего на нем, а слух Твой да будет склонен к его молитвам. Пусть охраняет его рука Твоя, и пусть он царствует ради истины, и пусть ведет его десница Твоя. Пусть направляются пути его пред Тобою, дабы сохранять заповеди Твои. Неприятели да падут перед лицом его, и да будут лизать прах враги его. Да будет осенен корень рода его кроной плодородия, и тень плода его пусть покроет царские горы, так как благодаря Тебе царствуют василевсы, славя Тебя в веках».

Связь с Богом находила множество ярких и хорошо понятных византийцам в своем глубоком религиозном символизме наглядных подтверждений в многосложных традициях и ритуалах придворной жизни императора. Место Бога на троне и вовсе замещалось василевсом в практическом, реальном смысле: во время официальных императорских приемов император восседал на двухместном троне, занимая его половину и оставляя вторую – Христу, которого символизировало Евангелие или положенный на сиденье крест (итомасия). В будние дни Христу отводилась левая сторона, а по воскресеньям и в дни праздников – правая. В этом тоже был глубокий смысл, поскольку считалось, что по праздничным дням и в воскресенья на троне восседал сам Христос, правя миром с правой половины трона. В будние же дни от имени Бога правил его посланник на земле, и потому в это время правую сторону занимал василевс. Часть трона, предназначенная для Христа, соединялась в восприятии византийцев с верой в реальное присутствие на ней Бога, который Сам был невидим, однако трон Его был видимым.

Император был единственным абсолютно свободным человеком в империи, чьим прямым господином был лишь Господь. Все остальные ромеи, независимо от их общественного положения – от первого министра до убогого крестьянина – были его подданными и иногда, в переносном смысле, именовались рабами – по-гречески «дулами» – василевса, по отношению к каждому из которых правитель был, по крайней мере, на первый взгляд, всевластен. Император мог судить, приговаривать к смертной казни, ослеплению, отсечению языка, носа, ушей или конечностей, позорящей стрижке, выжиганию бровей и волос или иному увечью любого «раба» по своему усмотрению. В его власти было снять с государственной должности, низложить, конфисковать имущество и отправить в далекую ссылку любого самого знатного вельможу, какого бы высокого аристократического происхождения он ни был. Происхождение, богатство, личные качества и заслуги не стоили перед неограниченным правом василевса судить, казнить и миловать равным счетом ничего, и примеры реализации этого права конкретными императорами в истории Византии бесчисленны.

Император воспринимался народом прежде всего как мудрый судья, и от него ожидали справедливого решения по любому сложному вопросу, к нему старались обратиться в случае невозможности найти справедливость в иных, более низких судебных инстанциях. Даже те государи, которые, по свидетельствам современников, не особо любили вершить суд, старались прослыть в народе «любителями правосудия». Так, согласно свидетельству хроники «Продолжателя Феофана» Лев V Армянин (813–820 гг.) однажды сурово наказал градоначальника Константинополя за то, что тот отказался рассудить случай прелюбодеяния, и сделал это именно для того, чтобы понравиться горожанам.

Последователь Льва V на императорском престоле Михаил II Травл (820–829 гг.), узнав о том, что турмарх Сицилии Евфимий похитил из монастыря монахиню и «ради утоления страсти как бы взял ее в жены», приказал стратигу, «если обвинение подтвердится, отрубить преступному Евфимию нос по всей строгости закона».

Следующий василевс Феофил (829–842 гг.) и вовсе остался в византийской традиции в качестве символа правосудия и справедливости, причем начал с того, что приказал казнить убийц Льва V, благодаря которым его отец Михаил II взошел на трон. И в дальнейшем он неизменно стремился самолично вершить суд, не отказывая в рассмотрении жалоб даже самым бедным подданным. Хронист свидетельствовал: «Приверженный к делам правосудия и не меньше к вере и почитанию Божией Матери, он еженедельно по центральной улице и площади в сопровождении свиты отправлялся верхом в Божий Влахернский храм. При этом он бывал доступен для всех, в особенности же для людей обиженных, чтобы могли они выплакать ему свои обиды и никакие злокозненные люди в страхе перед наказанием не преградили им доступ к царю».

Даже мягкие и, на первый взгляд, слабovolьные государи карали, невзирая на личности. Так, Лев VI Философ (886–912 гг.), будучи двадцатилетним молодым человеком и едва вступив на престол, низложил и отправил в ссылку патриарха Фотия, а вслед за ним и многих его родственников и приближенных, обвинив их в антиправительственной деятельности. Что уже говорить о суровом Василии II Болгаробойце (976—1025 гг.), который решительно расправился с вельможей Василием Нофом и богатым малоазийским родом Малеинов.

Впрочем, была и обратная сторона медали: василевс мог богато наградить и несказанно возвысить неизвестного никому человека самого низкого происхождения, приблизив его к себе, присвоив самые высокие звания, титулы и назначив на важнейшие должности в государстве. К примеру, по свидетельству все того же «Продолжателя Феофана», любитель скачек на ипподроме Михаил III, лично выступавший в роли возницы в синей униформе, нередко «усыновлял Божественным крещением детей своих товарищей, тех, кто выступал с ним на игрищах, и каждому дарил по пятьдесят, сорок, самое меньшее тридцать литр золота, чем и опустошил царскую казну».

Этот же василевс однажды в сентябре 867 г., основательно опьянев во время пиршества, решил возвысить некоего Василикина, гребца царского дромона, «ничтожного и отвратительного скопца и забулдыгу родом из Никомидии», которого облачил в «прославленную царскую багряницу, завидный и дивный венец, златотканый плащ, пурпурные, все в драгоценных камнях сапожки и другие принадлежности царской власти, вывел его к синклиту, держа за руку и поддерживая... и произнес такие слова:

Смотрите все, восхищайтесь,
 Не ему ли царем быть пристало?
 И вид, достойный владыки,
 И венец для него будто создан:
 Все говорит в нем о власти,
 И не лучше ли мне его сделать царем
 Вместо Василия?»

Все, кто при этом присутствовал, повествует далее «Продолжатель Феофана», «остолбенели, пораженные затмением ума и безрассудством царя», однако вряд ли кто осмелился прямо перечесть основательно опьяневшему правителю, который, говаривали, отдавал приказы казнить своих приближенных, а потом, придя в себя и раскаявшись, казнил тех, кто выполнял эти его приказы. По крайней мере, Лиутпранд Кремонский упоминал, что Михаил III «во время своей болезни <...> даже друзей своих велел приговорить к смерти. Придя же в себя, он распорядился таким образом, чтобы, если тех, кого он приказал казнить, уже нельзя вернуть, казни подвергнуть исполнителей приговора».

Шутовское и полубезумное провозглашение Василикина соправителем-преемником, при всей своей абсурдности, было воспринято подданными вполне серьезно – ведь производил его самолично правящий самодержец. Не удивительно, что вскоре, 23 сентября 867 г. не на шутку

встревоженный первый соправитель Василий организовал заговор и Михаил III был убит в собственной опочивальне, а императором стал основатель знаменитой Македонской династии (867—1056 гг.) Василий I Македонянин (867–886 гг.).

То, как самодержавная воля василевса могла поднять из безвестности к высшим титулам и должностям любого приглянувшегося ему подданного, прекрасно и с глубоким символическим пониманием византийского иерархичного мировоззрения показано в поэме Георгия Шенгели «Повар базилевса (Византийская повесть)»:

Базилевс кивнул благосклонно;
Все свершилось так, как подобает,
Ибо в государстве православном
Император и народ едины.
Дальше все пошло по порядку:
Нарекли Вардана кандидатом,
И в разрядные книги записали,
И печатью скрепили запись;
Потом нарекли его спафаром
И опять записали в книги;

Дальше протоспафаром стал он,
А через минуту – ассикритом;
После был он сделан ипотом,
Далее патрикием сделан,
Себастом и протосебастом,
Наконец – пангиперсебастом,
И совсем наконец был он назван
Кесарем империи Ромэйской —
Всего только на две ступени
Ниже базилевса ромэев.
Принесли тут слуги Августы
Мягкие сафьянные сапожки
Травяного нежного цвета.
Тут Вардан появился в зале,
Распростерся перед базилевсом,
Преклонился перед Августой
И надел кесарскую обувь.

Подошел к нему сияющий консул,
Лобызал ему почтительно руку,
Подошли и другие вельможи
И тоже руку облобызали,
И чиновники пониже рангом
Приложились губами к сапожкам.

Как видим, по мановению руки василевса восхождение Вардана по крутой иерархической лестнице к самым вершинам власти произошло в мгновение ока. Обычно карьерный рост и восхождение по иерархической лестнице титулов в византийском обществе были постепенными, хотя, и в высокой степени мобильными (причем, в обе стороны – и вверх, и вниз).

Выступая наместником Бога на земле, император был не только верховным судьей, руководителем и законодателем, он был воплощенным законом. Уже в III в. утвердился принцип римского права: «То, что угодно императору, имеет силу закона». Когда император изволил говорить – его устами говорил закон, произнося повеление – он творил закон. И записанному императорскому слову, объявленному и ставшему законом, никто не дерзал прекословить.

Византийский юрист XIII в. Димитрий Хоматиан в постановлении суда охридской архиепископии 1236 г. отмечал: «Император явно находится выше законов, трактующих вопросы власти. Ибо он сам – во главе власти и обладает правом говорить и действовать от лица этой власти. И поэтому законы отдали его авторитету правовую норму, гласящую, что “император не подвластен законам”».

Казалось бы, что можно говорить о тотальном всевластии самодержца над своими подданными, ведь власть василевса при таком его обожествлении и отождествлении его воли с законом была безгранична и нерушима. Однако при всем при том сложно представить более непрочную монархию, чем византийское самодержавие. Половина императоров Византии была лишена престола насильно, и за 1122 года истории византийского государства на престоле сменилось около ста (по разным подсчетам, учитывающим или нет антиимператоров узурпаторов – от 88 до 109) императоров из 30 семейств, причем только семь из них смогли основать относительно прочные династии. Это вдвое больше, чем побывало за то же время на престоле Священной Римской империи германской нации – примерно 50 правителей из пяти знатных родов. В масштабах тысячелетней истории Византии императоры сменялись в среднем раз в 12–13 лет, что было гораздо чаще, чем среди правителей средневековой Западной Европы. Только с середины IX до конца XI в. у власти сменилось 23 василевса, то есть каждый из них правил чуть больше 10 лет. Из всех императоров Византии, правивших между 323-м и 1453 г., лишь 37 умерли собственной смертью, а чуть ли не вдвое больше были свергнуты в результате интриг, заговоров и дворцовых переворотов. Еще 8 погибли либо на войне, либо вследствие несчастного случая. Количество же попыток свержения императоров, как успешных, так и не удавшихся, практически не поддается точному учету. Известно, к примеру, что только за период с 865-го по 1185 г. их число составляет около 140.

Вследствие придворных интриг, заговоров, мятежей или восстаний императорами в Византии нередко становились выходцы из самых низов ромейского общества – простые чиновники, горожане, солдаты, придворные слуги или даже крестьяне, если кто-либо из их предков успел до этого сделать карьеру на военной службе или при дворе. Так, фракиец Лев I Макелла (Мясник) (457–474 гг.) был малограмотным торговцем мясом – макеллариум в Константинополе, Юстин I (518–527 гг.) сделал военную карьеру, будучи выходцем из простой крестьянской семьи, и стал, благодаря уважению в среде своих подчиненных, императором после смерти Анастасия I Дикора (491–518 гг.), тоже, к слову, бывшего до коронации простым придворным. Благодаря головокружительной карьере Юстина I императором смог стать и сын его брата Савватия Юстиниан I Великий (527–565 гг.), которого дядя вытащил буквально из грязи – из глухой иллирийской деревни диоцеза Дакия Ведерианы на трон величайшей империи того времени. Конюхами у знатных вельмож служили до воцарения Лев V Армянин (813–820 гг.) и Михаил II Травл (820–829 гг.), объездчиком лошадей начинал и фракийский крестьянин армянского происхождения Василий, ставший впоследствии основателем блистательной Македонской династии эпохи классического расцвета Византии конца IX – начала XI вв. и вошедший в историю под именем Василия I Македонянина (867–886 гг.).

Никита Хониат писал: «Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли желуды <...>, а теперь совершенно открыто изъясляли свои виды и претензии на царское достоинство <...>. О знаменитая Римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, – кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Каких неистово буйных любовников у тебя не было? Кого ты не заключала в свои объятия, с

кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?»

Казалось бы, характеристика Никиты Хониата убеждает нас в том, что принятый в Ромейской империи порядок замещения престола был порочен, отсутствие династической преемственности при наследовании власти приводило к управлению государством людей случайных, неподготовленных к правлению и недостойных. Сам писатель, сравнивая своих соотечественников с «латинянами», противопоставлял верность западноевропейских рыцарей своему сюзеру коварности византийцев, которые, лишь только посадив на трон нового василевса, уже замыслили против него очередной заговор. Однако не стоит спешить с выводами, ведь нередко именно выходцы из низов империи становились весьма успешными самодержцами, укреплявшими империю, как, например, те же Юстиниан I Великий (527–565 гг.) или Василий I Македонянин (867–886 гг.).

Правители же, получившие высшую власть по праву родства, наоборот нередко оказывались крайне слабыми государями, просто занимавшими место на троне. К примеру, таким оказался Алексей III Ангел (1195–1203 гг.), ослепивший в борьбе за престол предыдущего императора – своего собственного брата Исаака II Ангела (1185–1195 гг.). Алексей III позорно сбежал в 1203 г. из Константинополя, окруженного крестоносцами, участниками Крестового похода.

Думается, что при всех издержках, выборность императоров, позволявшая занять престол человеку незнатному, но способному и деятельному, сыграла в истории Византийской империи в целом позитивную роль, обеспечивая приток в верховную власть свежих энергичных сил, способствующих укреплению державы. Думается, это понимал и давший столь уничижительную характеристику ромейской державе, сравнив ее с блудницей, Никита Хониат. По крайней мере вот как он писал о значении свободы выбора Божественного Провидения для пользы каждого из ромеев: «В самом деле Божественное Провидение для управления и перелома наших житейских дел редко пользуется одними и теми же путями и средствами; напротив, оно изменяет и переменяет власти всякий раз новым и неожиданным образом, выказывая в своем путеводительстве и управлении Вселенною бесконечное разнообразие явлений и не пропуская мимо своих рук ничего самомалейшего. <...> Одни вступали на царский трон по ржанию коня; другой перешел к пышной хламиде от плуга и бороны или мальчишкой пас овец, как самый последний в семье, и оказался богопомазанным царем. Но возможно ли исчислить все или хотя бы большую часть того, что Провидение многообразно устрояет и совершает на пользу каждого человека».

Со временем примеров головокружительной карьеры, возводившей византийца из самых низов к вершине власти, становилось все меньше, и чуть ли не последними из них можно считать случаи Михаила IV Пафлагона (1034–1041 гг.), бывшего меняльщика денег, возвысившегося благодаря адюльтеру с царицей Зоей, женой предыдущего императора Романа III Аргира (1028–1034 гг.), и его племянника Михаила V Калафата, сына сестры василевса и некоего Стефана-конопатчика, откуда происходило и малопочтительное прозвище императора – «калафат», по-гречески – «конопатчик». Желчный Михаил Пселл писал, что отец василевса «происходил из самой захудалой деревни в какой-то глуши, не сеял и ничего не выращивал, ибо не было у него и кусочка земли, не ходил за стадами, не пас овец, не разводил животных и не имел, видимо, никаких средств к жизни. <...> Придя к морю, он сделался в корабельном деле очень значительным – леса не рубил, бревен не обтесывал, не прилаживал и не сколачивал, но после того, как это делали другие, тщательно обмазывал судно смолой, и ни один корабль не спущен был на воду, пока он не подал к тому знак свои искусством.

Видел его и я, но в другом положении, уже баловнем судьбы. Театральное убранство, конь, платье и все прочее нисколько ему не шли и не соответствовали. Как вообразивший себя Гераклом пигмей ни старается уподобиться герою, как ни заворачивается в львиную шкуру и

ни пыхтит над палицей, все равно его можно легко распознать по виду. Так и все потуги этого человека приводили к противоположному результату».

И только с конца XI в. престол закрепился в руках легитимных династий, ведь даже Македонская династия, продержавшаяся у власти без малого двести лет – с 867-го по 1057-й – не единожды прерывалась правлением узурпаторов, тем или иным образом оттеснявших ее представителей от трона. Показателен пример с царствованием Романа I Лакапина (920–945 гг.), бывшего адмиралом императорских военно-морских сил. В 919 г. он заставил пятнадцатилетнего законного императора Константина VII Багрянородного (908–959 гг.), от имени которого правила его мать Зоя Карвонопсина («Угольноокая» или «Огнеокая»), жениться на своей дочери Елене. Благодаря этому Роман стал василеопатором – отцом императора, а вскоре и венчался на царство (920 г.) и объявил себя автократом (921 г.), начав назначать себе в преемники своих сыновей – вначале Христофора (в 921 г.), а затем Романа, Стефана и Константина (в 924 г.). В итоге лишь много лет спустя благодаря вмешательству жителей столицы, которые помешали сыновьям Романа I Лакапина, сместившим путем заговора отца, захватить власть, Константин VII Багрянородный стал полноправным императором, и, следовательно, его реальное правление началось лишь в 945 г. Позже власть у императоров Македонской династии перехватывали выдающиеся военачальники Никифор Фока (963–969 гг.) и Иоанн Цимисхий (969–976 гг.).

После 1081 г. власть почти все время находилась у одного из четырех знатных родов, последовательно сменивших друг друга у кормила империи – Комнинов (1081–1185 гг.), Ангелов (1185–1204 гг.), Ласкарисов (1204–1261 гг.) и Палеологов (1259–1453 гг.), а средняя длительность одного правления увеличилась до 17 лет. И даже тогда чехарда смены императоров могла возобновиться в любой момент. Так, после правивших почти столетие трех представителей династии Комнинов – Алексея I (1081–1118 гг.), Иоанна II (1118–1143 гг.) и Мануила I (1143–1180 гг.), каждый из которых умер собственной смертью, последовала смена шести василевсов за 24 года, причем каждый очередной правитель приходил к власти путем насильственного переворота.

В классическом для византийцев представлении о смене правителя не существовало идеи наследственной власти, и престол, соответственно, не мог автоматически переходить от отца к сыну или иному ближайшему родственнику (брату, племяннику etc.) по мужской линии. Чтобы передать престол своему сыну в качестве преемника, василевс должен был еще при жизни назначить его соправителем. Сначала соправителя назначали, если император чувствовал приближение смерти, однако со временем василевсы осознали, что разумнее провести эту процедуру заблаговременно, чтобы уберечься от превратностей судьбы, и, только вступив на трон, старались утвердить свое право передать власть по наследству.

Соправителем мог быть назначен не только сын, но и брат, племянник, зять царствующего василевса, а то и просто придворный фаворит, не связанный с правителем кровным родством. Назначение соправителя узаконивали путем религиозной церемонии, которая отличалась от коронации правящего императора лишь тем, что происходила не в храме Св. Софии, а в одной из дворцовых церквей, а венцы на головы соправителей, после освящения их патриархом, возлагал сам василевс. Коронованный соправитель получал титул кесаря.

Первая попытка закрепить на престоле Византийской империи собственную династию принадлежит императору Ираклию I (610–641 гг.), который короновал в качестве соправителей и наследников двух своих сыновей – Константина и Ираклеона. К правлению Ираклия I, кстати говоря, относится и появление в официальной титулатуре правителя греческого титула «василевс» вместо латинского «император» – впервые оно употреблено в новелле 629 г., изданной от имени Ираклия и его сына Константина: «Ираклий и Ираклий-младший Константин, верные во Христе цари (василевсы)». Со временем оба слова стали использоваться параллельно в качестве равнозначных и практически идентичных по значению, а самодержец именовал

себя «верный во Христе Боге царь (василевс) и император римлян». Эта замена знаменовала собой не только переход с латыни на греческий в качестве официального государственного языка законодательства и административного документооборота, но и дальнейшее становление идеи исключительности византийской государственности как всемирной империи. Титул «василевс» выделял византийского государя среди всех иных правителей как единственного законного императора во Вселенной. Как один был Бог на небе, так и один мог быть законный император на земле, поскольку земное царство мыслилось как подобие небесного. Допустить существование двух императоров одновременно было немыслимо, поэтому термин «василевс» мог употребляться для обозначения исключительно византийского самодержца. Василевс – только византийский император.

Особое место в империи занимали отпрыски императора, рожденные во время его правления. Их именовали «рожденными в пурпуре (порфире, багрянице)» – багрянородными или, по-гречески, порфирогенетами. Этот термин происходил от названия Порфирного (Багряного) зала императорского дворца, в котором рожали императрицы. Анна Комнина, описывая собственное рождение 1 декабря 1083 г., писала, что ее отец, василевс Алексей I Комнин (1081–1118 гг.), вернувшись в столицу из военного похода, застал «императрицу, страдающую от родовых мук в том здании дворца, которое издавна было предназначено для рожениц-императриц. Это здание было названо «Порфира», благодаря чему по всему миру получило распространение слово «порфирородный». Упомянув о сыновьях Романа IV Диогена (1068–1071 гг.) Никифоре и Льве, Анна отмечает, что они «родились в Порфире уже после того, как их отец вступил на престол, и потому были прозваны “порфирородными”».

Впервые идея присвоить своему отпрыску титул «багрянородного» пришла Льву III Исавру (717–741 гг.), сын которого, будущий император Константин V Копроним (741–775 гг.), появился на свет уже после воцарения отца в июле 718 г. Окончательно же титул «багрянородный» стал важным аргументом в наследовании императорской власти в эпоху правления Македонской династии (конец IX – первая половина XI в.). С того времени если не юридически, то уж точно в силу неоспоримого обычая у «багрянородных» в глазах византийцев были весомые преимущества в вопросе получения власти.

Особенно важным в плане окончательного закрепления принципа «порфирородности», как важного признака в борьбе за императорский трон, стало правление Константина VII (908–959 гг., фактически 945–959 гг.), присоединившего обозначение «Багрянородный» к своему имени. Этот император действительно родился в Порфире в середине мая 905 г., во время правления своего отца Льва VI Философа (Мудрого) (886–912 гг.), однако его мать Зоя Карвонопсина не была на тот момент женой императора-вдовца, потерявшего в октябре 901 г. уже третью жену – Евдокию Ваяни. Константин был, таким образом, рожден любовницей царя, которая лишь в апреле 906 г. стала законной, но уже четвертой женой Льва VI. В Византии же даже третий брак был предосудительным, а уж против четвертого долгое время упорно выступало ромейское духовенство. Лишь состоявшийся после отречения патриарха церковный собор 907 г. признал брак Льва VI и Зои законным.

Учитывая столь сложные обстоятельства появления Константина VII на свет, главным в его легитимации стало именно аппелирование к рождению в Порфире. И это сработало: он номинально правил беспрецедентно долго – 54 года. Хотя поначалу он был отстранен от реальной власти, никто из фактически правивших старших его соправителей – ни брат отца Александр (912–913 гг.), ни Роман I Лакапин (920–945 гг.) – не решились от него избавиться именно вследствие того, что он был Багрянородным. В глазах широких слоев ромеев это обстоятельство играло уже весьма важную роль, и когда Стефан и Константин, сыновья-соправители Романа I, попытались его свергнуть, именно простые горожане Константинополя помешали им прийти к власти, требуя провозгласить правителем Константина Багрянородного.

В итоге, получив в 945 г. реальную власть, Константин VII уделял обстоятельству рождения в Порфире немалое внимание как важному признаку самолегитимации. С его времени порфирородный василевс уже устойчиво воспринимался как законный носитель власти императора по праву рождения: поскольку Богом был избран на престол отец императора, то божественная благодать лежит и на его сыне, тем более, если тот был коронован (то есть приобщен к благодати) еще при жизни отца в качестве соправителя.

Принцип наследственной принадлежности трона одной династии настолько укрепился за почти двухсотлетнее правление потомков Василия I Македонянина (867–886 гг.), что престарелой Феодоре, дочери Константина VIII (1025–1028 гг.), достаточно было явиться после смерти Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.), мужа своей покойной сестры Зои, из монастыря в константинопольский дворец, чтобы получить власть. Примечательно, что на изображении на хорах Св. Софии Константин IX Мономах, правивший в качестве третьего супруга порфирородной Зои, изображен без приведения титула Порфирогенет, а вот находящаяся неподалеку мозаика с портретом Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) и его супруги Ирины уже снабжена подписью с этим эпитетом, поскольку родила Иоанна царствовавшая императрица, жена его отца василевса Алексея I Комнина (1081–1118 гг.) Ирина Дукена.

Нередко соправителей императора было несколько, к примеру – все его совершеннолетние сыновья, и тогда самодержец определял того из них, у которого будет преимущество на замещение престола после его смерти. Причем не обязательно это должен был быть старший сын – самодержец ничем не был ограничен в своем выборе. Иногда в империи одновременно могли пребывать в добром здравии сразу несколько законных василевсов. К примеру, с 924-го по 931 г. их было пятеро, поскольку императорами считались Константин VII Багрянородный, в действительности отстраненный от реальной власти, действительный самодержец Роман I Лакапин и трое его сыновей – Христофор, Стефан и Константин. После смерти Христофора в 931 г. василевсов осталось четверо.

Избранный на роль главного преемника соправитель, в отличие от остальных, получал право назначить себе собственного преемника и мог в действительности исполнять некоторые функции по управлению государством. В связи с этим его иногда даже называли младшим или меньшим василевсом, симвасилевсом, а его портретное изображение помещали на монетах рядом с портретом настоящего самодержца. К примеру, на монетах времен Ираклия I (610–641 гг.) самодержец изображался со своим сыном Константином или даже с двумя сыновьями – Константином и Ираклеоном. А на солиде Романа I Лакапина одновременно были изображены сам Роман, Константин VII Багрянородный, именем которого узурпатор прикрывался, и сын Романа Христофор, которому он рассчитывал в будущем передать бразды правления.

Размещая изображение своего преемника на монете, император, тем самым, через наиболее массовое средство пропаганды того времени не только доносил до своих подданных информацию о будущем василевсе, не только легитимизировал его будущий приход к власти, но также значительно укреплял его шансы на реальное получение престола. Изображение на монете подчеркивало непрерывность и стабильность государственной власти, которая должна была после прихода нового василевса остаться такой же, как и при его предшественнике. Да и новый император в этом случае был уже хорошо известен и лишь смещался на очередных выпусках монет с периферии в центр. В идеале вскоре рядом с ним должен был появиться следующий преемник и, таким образом, вновь утвердить впечатление твердости и нерушимости неизменных государственных устоев в будущем. В реальности конечно же часто случалось не так, как рассчитывали василевс и его подданные – жизнь постоянно вносила свои коррективы, но показательно уже то стремление, которое находило всеобщее понимание и одобрение и у самодержцев, и у их подданных.

Не это ли ожидание стабильности, приверженность традиции, боязнь любых, а тем более кардинальных перемен являются, по крайней мере отчасти, причиной того, что в современ-

ных государствах институт официального преемника, настойчиво внедряемого нынешними властью имущими в государственное управление, имеет такое значение. Особенно ярко это проявляется в тех странах, пусть и формально демократических, общество в которых имеет исторический опыт жизни при тоталитарной или авторитарной власти – их граждане, даже имея возможность, пусть зачастую и иллюзорную, выбора, упорно продолжают отдавать предпочтение провластному кандидату. От него при этом не ожидают кардинальных реформ, от него ждут, что все останется приблизительно так же, как при предшественнике. Главное – не будет непредсказуемости и неизвестности, которые, по мнению большинства, всегда чреватые бедами, а любые изменения всегда ведут к худшему.

Действительно, можно не сомневаться, что пожелание жить в эпоху перемен было бы воспринято и в византийской системе ценностей как проклятие, поскольку приверженность традиции, ее неукоснительное соблюдение были для ромеев синоним стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Задачей императора было следовать традиции, поддерживать сложившиеся устои в их неизменности и печься неусыпно о державе. Всякая реформаторская деятельность представлялась опасной, ведь императору следовало стоять на страже устоявшихся обычаев, а не бездумно изменять их.

Конечно же жизнь не стояла на месте, и императоры вынуждены были кое-что реформировать. Однако при этом они неизменно подчеркивали, что не вносят ничего принципиально нового, а лишь восстанавливают по какой-либо причине забытые старые добрые порядки. Например, вводя новшества в управлении провинцией Писидия (объединяя полномочия военной и гражданской власти в руках претора – своеобразного генерал-губернатора), Юстиниан I считал необходимым снабдить свою Новеллу по этому поводу следующим развернутым введением, удостоверяющим, что все новое – хорошо забытое старое: «Никогда бы, думаю, и старые римляне не были в состоянии составить свою обширную империю при посредстве малых и незначительных административных органов и через них всю, так сказать, вселенную захватить и привести в порядок, если бы они, системой снаряжения в провинции высших сановников, не приобрели авторитетного и почетного положения и не предоставили гражданской и военной власти таким людям, которые оказались способными пользоваться той и другою. Такие начальники носили имя преторов, им предоставлялась и административная, и законодательная власть, почему и судебные учреждения стали называться преториями. Размышляя об этом, снова вводя в управление древние обычаи, воздавая почтение ромейскому имени и усматривая, что в необширные провинции назначаются ныне две власти и никакая из них не отвечает своему назначению, почему в тех провинциях, где есть гражданский и военный начальник, всегда происходят между тем и другим раздоры и распри из-за широты власти, – мы пришли к решению соединить ту и другую власть, то есть военную и гражданскую, в одну схему и дать получившему такое назначение снова наименование претора».

В плане выяснения отношения византийцев к изменениям интересен пример василевса Исаака I Комнина (1057–1059 гг.), с невиданной энергией проводившего реформы, от которых лихорадило страну. Вскоре, простудившись на охоте и считая свою болезнь смертельной, он ушел в монастырь, готовясь к смерти. В глазах современников именно эта неуемная реформаторская деятельность и стала причиной несчастий императора. Михаил Пселл писал о нем: «Он все хотел преобразовать, и Византийскую империю, разрастающуюся в течение многих лет, торопился сразу обстричь. <...> Если бы кто-нибудь надел на него узду, Исаак постепенно бы обошел всю вселенную, повсюду одерживая победы, и никто из императоров прошлого не мог бы с ним равняться».

Как видим, нестабильность императорской власти вследствие отсутствия ее наследственности была не единственной и уж точно не главной причиной, позволяющей отрицать наличие в Византии тоталитаризма. Власть василевса была не безграничной – она была мощно ограничена традицией. Василевс обладал абсолютной и неограниченной властью далеко не во всех

сферах жизни общества и мог реализовывать свое всевластие с разной степенью эффективности. В связи с этим Византийскую империю нельзя отождествлять с деспотией восточного образца, в которой царь имел полную, безграничную и безоговорочную власть над жизнью подданных и общества в целом. В Римской империи император, безусловно, стоял над подданными, но было и то, что стояло выше самого василевса, ограничивало пределы и определяло границы его власти – традиция.

Оригинальность византийского государства была обусловлена синтезом трех таких традиций: античного наследия эллинистического мира, римской имперской государственности и ортодоксального христианства. Именно равнодействующая этих трех мощнейших начал, имевших либо получивших глубокую поддержку римского общества, выступала качественным ограничителем всевластия василевса и, соответственно, государства над подданными.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в восприятии византийцев была священной и неприкосновенной не личность василевса, а его должность. Это императоров Древнего Рима почитали как богов, отправляя их культ, в Византии же василевс был государем милостью Божией. Христианство же освящало не личность правителя, а его власть как таковую, титул и место в государственном устройстве – и лишь после этого конкретного носителя императорских регалий.

Священной и неприкосновенной была не личность конкретного василевса, восседавшего в данный момент на престоле, а та должность, верховная магистратура, носителем которой он являлся. Стоит отметить, что царские почести воздавались императорскому трону – как символическому месту власти – даже тогда, когда василевса на нем не было.

Непосредственным следствием такого отношения к императорской власти было право подданных на сопротивление василевсу, ставшему тираном и неоправданно попирающему законы Божеские и человеческие. Восстание против правителя, который не радел об общем благе подданных, воспринималось как вполне нормальное явление, поскольку только таким путем можно было восстановить таксис – «идеальный общественный порядок» – и добиться справедливости. Патриарх Николай Мистик замечал по этому поводу: «Василевс – неписанный закон, но не потому, что он нарушает закон и делает все, что ему вздумается, а потому, что является таковым, то есть неписанным законом, который проявляется в своих актах, как раз и составляющих неписанный закон. Если василевс – враг закона, то кто же будет бояться закона? Если первым его нарушает правитель, то ничто не помешает тому, чтобы его затем стали нарушать подданные».

Император мог стать тираном уже во время правления, а мог и изначально быть недостойным престола, поскольку, верили византийцы, при Божьем попущении, и дьявол мог доставить престол своему избраннику. Раз все происходит по воле Божьей, то именно Бог допустил, к примеру, чтобы жестокий кровопийца Фока (602–610 гг.) убил благочестивого василевса Маврикия (582–602 гг.), достойного престола. Василисса Ирина (780–790 гг. и 797–802 гг.), свергнутая Никифором I Геником (802–811 гг.), занимавшим до воцарения должность логофета геникона², была настолько привержена описанному принципу, что, по словам хрониста Феофана, после своего низложения сказала удачливому узурпатору: «Я уверена, что Бог, возвысив меня, прежде сиротствовавшую и недостойную, возвел на царский престол, и теперь причину падения своего приписываю себе и своим согрешениям. ...предоставляю Господу судить способности твоего возвышения и верю, что без Господа ничего не бывает. Часто доходили до меня слухи о достоинстве, в которое ты теперь облечен, и последствия доказали, что те слухи были истинны; они тебе известны; если б я увлеклась ими, то беспрепятственно могла бы убить тебя. Но, веря твоим клятвам и щадя многих соумышленников твоих, я согрешила пред Богом,

² Логофет геникона – главный чиновник, контролировавший сборы всех видов налогов, практически это был министр финансов.

но и тогда предавалась в волю Того, которым цари царствуют и сильные владычествуют над землею. Теперь кланяюсь тебе, как благочестивому и от Бога поставленному царю».

Как видим, в представлении византийцев сам факт коронации свидетельствовал о богоизбранности, и это автоматически смывало все грехи вплоть до смертного греха смертоубийства.

Итак, как свидетельствует византийская история, правом на восстание против тиранической власти ромеи, тем или иным образом, пользовались весьма активно и часто. При этом сама победа соперника, успешно свергнувшего предыдущего василевса, считалась византийцами достаточным и надежным свидетельством недостойности прежнего правителя, поскольку сам Бог, действуя через удачливых заговорщиков или мятежников, избавлял ромейский народ от тирана и даровал власть новому императору. Можно не сомневаться в том, что византийцам был бы прекрасно понятен смысл знаменитой эпиграммы о государственной измене английского поэта рубежа XVI–XVII вв. и придворного Елизаветы I Джона Харрингтона, которая в переводе С. Я. Маршака звучит так: «Мятеж (у Харрингтона «Treason» – государственная измена) не может кончиться удачей, – / В противном случае его зовут иначе».

Действительно, в византийском праве было предусмотрено наказание за попытку государственного переворота, но не за сам переворот, если он оказывался успешным. Попытки свержения василевса, если их удавалось пресечь, судили либо как «оскорбление величества», либо как тиранию, государственное преступление, связанное с попыткой свержения законной власти. О том, насколько страшным преступлением было в глазах ромея «оскорбление величества», свидетельствует такой эпизод. Во время апостасия – мятежа малоазийского магната Варды Фоки против законного василевса Василия II (976—1025 гг.) в 987 г., накануне решительной битвы один из братьев Мелиссинов, ярых приверженцев бунтовщиков, издали всячески оскорблял порфирородного императора. Другой брат умолял не делать этого, а когда его мольбы остались без ответа, ударил хулителя, поскольку не мог вынести происходившего на его глазах святотатства.

Винновым в оскорблении величества или тирании грозила смертная казнь, однако ее обычно заменяли телесными наказаниями, ссылкой, пострижением в монахи, членовредительством или ослеплением. За удачное же преступление судить было бы бессмысленно и невозможно, поскольку в таком случае, по выражению Михаила Пселла, «тирания становилась законной властью».

Еще одним важным следствием обожествления должности, а не личности императора была идеализация монархии как формы правления. Византийцы не могли даже помыслить о том, что какое-либо иное государственное устройство – демократия или аристократия – может быть лучше монархии. Критике и даже поношению за свои личные негативные качества или поступки мог быть подвергнут конкретный император – царствующий ныне или правивший в прошлом, – но никак не сам принцип монархической власти, ее идея или символика. Централизованная власть представлялась священным абсолютным благом – евергесией. Все же возвожные беды, постигавшие государство, происходили, по мнению ромеев, не от несовершенной формы правления или социальных отношений, а от скупости, притворства, глупости, расточительности конкретных правителей – императора или его чиновников. Не правда ли, подобное убеждение, вполне объяснимое во время средневековья, владеет умами многих и в современном обществе, когда во всех проблемах обвиняется конкретный политик, чиновник или глава государства, а не далеко не совершенный социально-экономический строй страны.

Если попытаться увидеть за переменчивыми тенями идеологических завес театра византийской власти грубые дощатые подмостки ромейского государства, то можно найти и иные, более земные объяснения тому факту, что византийцы высоко почитали принцип монархической власти как неизменную константу существования страны, но при этом нисколько не преклонялись перед конкретным государем как человеком и с легкостью воспринимали новость о

его низложении. Главным для ромеев было, что монархия не перестала существовать и к власти пришел следующий василевс, поскольку именно он, будучи персонифицированным государством, спланировал в единое целое все византийское общество.

Особенно остро это чувствовала элита, единственным бесспорным объединяющим фактором для которой неизменно служила идея государственности, выражавшаяся в конкретной причастности каждого из представителей знати к делу государственного управления, придворной жизни или деятельности бюрократического управленческого аппарата. Вне системы государственного управления они теряли собственную идентичность и смысл бытия в социуме и поэтому готовы были обожествлять статус императора как символ империи, обожествляя тем самым ромейское государство как таковое.

Такое же отношение к василевсу и государству, которое он олицетворял, было характерно и для широких слоев византийских подданных, прежде всего жителей столицы. Через осознание того, что они подданные богоизбранного императора, символизировавшего исключительное государство с претензией на мировое господство, ромеи получали визуальное подтверждение возможности осознавать себя Богом избранным народом, проживающим в стольном граде священной империи. На этом основывалась та особая символическая важность, которая сопровождала каждое появление василевса на публике. Мистик Симеон, писавший на рубеже X – XI вв., был убежден, что император, нарушивший церемониал и представший перед придворными с измазанным сажей лицом, навсегда потеряет уважение подданных. Даже если он во всем будет благонравен и добродетелен, раздаст нищим все свое имущество, то все равно быть ему отныне посмешищем для ромеев. В народе же бытовала примета, что если василевс в будний день облачится в парадные одежды, то он непременно тяжело заболеет и умрет мучительной смертью.

Для того чтобы константинопольцы оставались уверенными в неоспоримом величии и вечной нерушимости государства, император должен был регулярно, в связи с теми или иными праздниками, традициями и событиями появляться на центральной улице города Месе, показываться на балконе дворца или в императорской ложе ипподрома, присутствовать на богослужении в храме Св. Софии. В сопровождении пышной свиты и вооруженной охраны василевс являлся народу, при этом заранее обуславливалось, где и каким образом должны размещаться лицезреющие самодержца горожане, когда и какими славословиями следует его приветствовать. Немало было добровольно собиравшихся зевак, но основную массу обычно составляли специально организованные градоначальником столицы – эпархом города – представители кварталов-гитоний, народных организаций димов и торгово-ремесленных корпораций, а для особой массовости – и вовсе насильно согнанное простонародье.

Поэтому император был весьма ограничен в передвижении, поскольку должен был всегда, практически безвыездно находиться в столице, символируя устойчивость государственной власти. С пониманием народ воспринимал разве что отлучки, связанные с успешными военными кампаниями против врагов, поскольку они сами по себе призваны были не только обезопасить империю, укрепить или расширить ее границы, но и демонстрировали устойчивость и мощь государства. К тому же после них должна была следовать церемония триумфа – торжественного въезда василевса-победителя в столицу в сопровождении богатых трофеев, знатных иноземных пленников или диковинных животных. Иные причины отсутствия императора в Константинополе понимания среди населения не находили. Например, Иоанна VIII Палеолога (1425–1448 гг.), более двух лет пребывавшего в Италии в поисках союзников и денег для борьбы с турками-османами, рядовые византийцы осуждали не только за невозможность изменить плачевное положение государства или унию с католиками, но и за то, что на столь долгое время покинул царственный город, оставив его на произвол судьбы.

Император символизировал нерушимость империи также и для жителей провинции, большинство из которых никогда не бывало в Константинополе, с тем лишь отличием, что

здесь репрезентация власти происходила через чиновников государственного аппарата на местах, финансово-фискальную систему, благодаря отчеканенному портрету василевса на монетах, а также преимущественно через механизмы церковного влияния – благодаря упоминанию императора в молитве. Независимо от благостояния и места проживания в пределах Византийской империи подданные должны были быть уверены как в незыблемости властных устоев внутри государства, так и в его устойчивости по отношению к враждебному внешнему миру, и император им такую возможность предоставлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.